

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 159.92

Т.Г. Бохан

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ СТРЕССА С УЧЕТОМ ПРИНЦИПОВ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Рассматриваются методологические и теоретические условия для постановки и решения проблемы стресса и стрессоустойчивости в контексте культурно-исторического подхода. Показано, что закономерный переход к постнеклассическому этапу развития науки позволяет использовать потенциал культурно-исторического подхода для развития и усложнения представлений о стрессе в психологии. Выделены принципы постнеклассической рациональности и показано их соответствие базовым методологическим принципам отечественного культурно-исторического подхода.

Рассмотрение проблемы стресса в психологии чрезвычайно зависит от используемых парадигмальных установок, методологических принципов и методических средств психологического познания. Иными словами, заявленная проблема оказывается в высшей степени сензитивной к тому образу человека, который складывается в психологии по мере движения психологического познания, предопределяя особое понимание места и роли психического на различных этапах этого движения. Обусловлено это тем, что проблема стресса (и стрессоустойчивости) не может быть отнесена к числу «типичных» проблем психологии, понимаемой в качестве науки о психике, сознании, отражении и т.д. Это, прежде всего, проблема целостного человека и проблема целостности (устойчивости) его бытия в меняющемся мире. Системный (культурно-антропологический) подход Л.С. Выготского, утверждавшего что «без человека как целого» нельзя понять его поведение (впрочем, как и объяснить деятельность его «аппарата» (мозга)), только сейчас обретает ту системологическую фундированность, которая необходима для эффективного использования этого подхода применительно к такой «многоликой» проблеме, каковой является психология стресса. А.Н. Леонтьев указывал на необходимость «возвращения целостного человека в психологию» [1]. Сегодня человек «возвращается в науку» в виде различных вариантов антропоориентированной психологии (А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, В.П. Зинченко, В.Е. Ключко, В.И. Слободчиков и др.). За тенденцией антропологизации психологического познания скрывается тот факт, что психологическая наука начинает воспринимать идеалы постнеклассической рациональности и ориентироваться на них. Предметом же постнеклассической науки как раз и являются открытые саморазвивающиеся системы «человекоразмерного» (В.С. Степин) уровня. По отношению к проблематике стресса и стрессоустойчивости потенциал культурно-исторической психологии остается до сих пор далеко не исчерпанным. В связи с этим возникает задача понять психологическую природу стресса в контексте выявления его места, роли и миссии по отношению к «целостному человеку», т.е. человеку, понятому в качестве открытой саморазвивающейся системы.

В современной психологической науке сложились соответствующие методологические и теоретические

условия для постановки и решения проблемы стресса и стрессоустойчивости в контексте культурно-исторического подхода. Развитие культурно-исторической психологии связывают с процессами, происходящими на протяжении XX в. в философии, науке, литературе, искусстве, обществе, характеризующимися тенденцией смены «парадигмы», «идеалов рациональности». Общим для них, по мнению М.С. Гусельцевой [2], является изменение механизма культурогенеза: прошлое не отвергается, а переосмысливается, встраиваясь в настоящее, усиливаются интегративные тенденции. Интерес к культурно-исторической психологии, востребованность использования ее объяснительного потенциала на современном этапе, по ее мнению, обусловлены: а) переходом к информационному состоянию общества, где объектом становятся саморазвивающиеся уникальные системы, прежде всего, человек и общество; б) постмодернизмом, который предполагает критику рационализма, что требует в науке увеличения эпистемологических дискуссий, повышения интереса к историческим и культурным контекстам, к герменевтике и феноменологии, междисциплинарным связям; в) постпозитивизмом, который, в отличие от классической рациональности с постулатами познаваемости мира, универсализма, эволюционизма, безличности, эмпирическим методом, представлен конструкционизмом (социально обусловленными знаниями), феноменологическим подходом, герменевтикой, методологией гуманитарных наук, индивидуальностью человека в неповторимом жизненном контексте.

Сущность современного парадигмального сдвига заключается в том, что в поле зрения психологов попадают новые объекты – сложные, саморазвивающиеся открытые системы, к которым относится человеческое общество и наука [3]. Культурно-историческая психология центрирует свой научный поиск на проблеме механизмов преобразования культуры в мир личности и особенно порождения в процессе развития личности иной культуры. Исследователи осуществляют переход от «анализа “сознания вне культуры” и “культуры вне сознания” к постижению тайны взаимопереходов, преобразований социальных связей в мир личности и сотворения личностью из материала этих связей миров человеческой культуры» [4].

Закономерный интерес к изучению феноменов стресса и стрессоустойчивости с позиций культурно-исторического подхода определяется переходным состоянием нашей науки, «когда парадигмальный сдвиг проявляет себя в виде возврата к проблемам, которые были замечены давно, но не получили своего решения в рамках сложившихся методов и подходов, адекватных неклассическому мировоззрению» [3. С. 69]. Однако «...наука не может выйти к любой (случайной, в том числе) парадигме, но только к такой, к приходу которой она в определенной степени готова. Новую парадигму нельзя предложить научному сообществу, но ее можно “вычислить” путем анализа внутренних тенденций развития науки» [3. С. 133].

В контексте ценностно-смысловой теории мышления (О.К. Тихомиров) и теории психологических систем (В.Е. Ключко, О.М. Краснорядцева, Т.А. Ваулина) возникающее в профессиональной деятельности мышление – это не только решение профессиональных задач, но и «развитие действительности, которая раскрывается для мыслящей личности как пространство для новой деятельности» [5. С. 66]. Такой «точкой опоры» для научного проектирования феномена стресса (и стрессоустойчивости) с позиции культурно-исторического подхода, идей самоорганизации, стал переход к постнеклассическому этапу в психологии, обусловленный постнеклассическим мышлением исследователей. Оно ориентировано на понимание динамики в методологии науки, которая выводит на представление о культурно-исторической детерминации феномена стресса.

Анализ работ современных исследователей в области психологии (А.Г. Асмолов, К.А. Абульханова-Славская, Б.С. Братусь, А.В. Брушлинский, Ф.Е. Василюк, М.С. Гусельцева, В.П. Зинченко, В.В. Знаков, В.В. Давыдов, Е.А. Климов, В.Е. Ключко, П.М. Мясоед, Е.Д. Слободчиков, В.И. Хомская, Н.И. Чуприкова, А.В. Юревич и др.) свидетельствует, что современная психология, опираясь на философию как методологический ориентир, также как и другие науки, проходит в своем развитии ряд этапов, сопровождающихся сменой способов мышления исследователей. На материале теорий отечественной психологии П.А. Мясоед [6] показывает, что становление психологического знания, в общем, сопоставимо со становлением естественно-научного [7] и проходит в процессе своего развития классический, неклассический и постнеклассический этапы. Выделяя исторические типы рациональности, В.С. Степин [7, 8] полагает, что уровни рефлексии по поводу собственной познавательной деятельности и ее стратегий коррелятивны системным особенностям исследуемых объектов и выступают условием их эффективного освоения: простые системы выступают в качестве доминирующих объектов в классической науке; сложные саморегулирующиеся системы доминируют в неклассической науке; сложные саморазвивающиеся системы являются доминирующими объектами в постнеклассической науке. В.Е. Ключко [3] соотносит идеалы рациональности с уровнем системности мышления, которое меняется (растет) адекватно смене самих идеалов, в результате исследователю по-новому открываются предмет, принципы и категории психологической науки. В контексте развития этих идей О.М. Краснорядцева [5] и

Т.А. Ваулина [8] считают, что мышление специалиста-психолога разного уровня системности обусловлено методологическими установками, ценностно-смысловой основой профессионального образа мира и проявляется в специфике мировидения человека (видеть избирательно, понимать по-особому, мыслить в определенной логике и действовать в соответствии со своей логикой и мышлением). В связи с этим в нашем исследовании важно было выделить принципы постнеклассического мышления и объективировать их соответствующие базовым методологическими принципами отечественного культурно-исторического подхода.

Постнеклассический характер современной науки, как отмечает В.С. Степин, означает, что объектом науки являются сложные, уникальные, саморазвивающиеся системы, компонентом которых нередко выступает человек как субъект практической деятельности и носитель ценностей. Отсюда учет человеческой субъектности и человеческих ценностей включается в методологию научного познания [9, 10]. Основными показателями, свидетельствующими о переходе к реализации наукой постнеклассических идей, выступают, по мнению В.С. Степина: 1) выдвижение на передний план наряду с дисциплинарными исследованиями междисциплинарных и проблемно-ориентированных форм исследовательской деятельности; 2) развитие науки начинает идти не по отраслям, а по проблемам; 3) усиление процессов взаимодействия принципов и представлений картин реальности, формирующихся в различных науках, что влечет за собой постепенное стирание жестких разграничительных линий между картинами реальности, определяющими видение предмета той или иной науки; 4) объектами современных междисциплинарных исследований все чаще становятся уникальные системы, характеризующиеся открытостью и саморазвитием.

Постнеклассическое мышление явилось закономерным результатом развития науки. В работах К. Левина, В.С. Степина, В.В. Знакова, В.П. Зинченко, А.Г. Асмолова, П.А. Мясоеда, А.В. Юревича, Д.А. Леонтьева, М.С. Гусельцевой, Е.Н. Князевой, В.Е. Кемерова, В.Е. Ключко, В.А. Лекторского, Т.А. Ваулиной, В.И. Слободникова и др. рассматриваются этапы развития науки, проявляющиеся в типах научной рациональности, закономерности их смены и условия их сосуществования.

Исследователями отмечается, что расширение зоны проявления человеческой субъективности послужило определяющим условием перехода от неклассического этапа к постнеклассическому, когда «субъективность освобождалась от гносеологических оценок, сближавших ее с искаженным знанием, и выявляла онтологические аспекты жизни и действия человеческих индивидов» [11. С. 402]. Ю.В. Лоскутов замечает: «...в центре постнеклассической методологии находится определенное решение вопроса об отношении человека к миру, а именно утверждение приоритета глубинных человеческих интересов и ценностей, человеческой практики по отношению к окружающему миру. Для постнеклассической философии изучение человека является исходным пунктом и конечной точкой любого философского исследования» [12. С. 156–157].

Идеи системности в постнеклассической рациональности, заложенные в общей теории систем (Л. Фон

Берталанфи), в теории термодинамики неравновесных процессов (И.П. Пригожин), синергетике (Г. Хаккен, С.П. Курдюмов и др.), не призывают к отказу от традиций, а свидетельствуют о том, что «постнеклассическая рациональность выстраивается в психологии тогда, когда появляется необходимость во всестороннем охвате психологического знания, приобретаемого человеком на протяжении истории, постнеклассический стиль теоретизирования вызывают к жизни глобальные, “предельные” задачи психологии» [13]. Постнеклассическое мышление – это мышление, которое позволяет выделить качества, порождаемые системой, на которые она опирается в своем развитии. Таким образом, постнеклассицизм делает своим предметом процесс становления – закономерное (а потому прогрессивное) усложнение системной организации, свойственное, прежде всего, открытым системам. В.Е. Ключко, предупреждая об угрозе синергетического редукционизма в психологии, говорит о необходимости «вычленив в синергетике идеи мировоззренческого уровня, существенно преобразующие научную картину мира, а не просто перенести в психологию и приспособить к ней весь понятийный аппарат синергетики, за которым стоят реалии, адекватные низшим уровням системной организации материи» [3].

Идеи синергии и самоорганизации, впервые реализованные в работах британского физиолога Шеррингтона, в России были восприняты Л.С. Выготским и легли в основание культурно-исторической теории. Л.С. Выготский в работе «Сознание как проблема психологии поведения» пишет, что «работа каждого органа... не есть нечто статичное, но есть только функция от общего состояния организма. Нервная система работает как одно целое – эта формула Шеррингтона должна быть положена в основу учения о структуре поведения» [14. С. 81]. По словам А.Г. Асмолова «...неклассическая психология Выготского повышает чувствительность к парадоксам и проблемам, присущим мышлению, ориентируемому на классический идеал рациональности. Один из таких парадоксов – “парадокс системности”. Человек выступает как элемент системы. Как быть, когда не элемент входит в систему, а система входит в элемент» [15. С. 12]. «...Заслуга Выготского заключается не в создании культурно-исторической психологии, а в том, что сама эта психология базируется на таком системном понимании единства Духа и Материи, когда они берутся в ней в одной системе собственно психологических координат. Здесь выявляется их «переходная форма», истинное событие того, что современники считали противоположностями, одна из которых «первична», а другая «вторична» [16. С. 31]. А.Г. Асмолов отмечает: «...неклассическая психология делает своим принципом осознанное вмешательство в жизнь. ...Она превращает принцип конструирования жизни в исходный пункт своего исследования, а само исследование – в проектирование феноменов» [15. С. 13–14].

Теория Л.С. Выготского объединила культурно-исторический и естественно-научный подходы на основании трех принципов: принципа социогенеза психики человека, принципа системного строения высших психических функций, принципа динамической организации и локализации высших психических функций.

Таким образом, он отказался от представлений о сознании как об изначальной данности и рассматривал его как продукт исторического и культурного развития человека, онтогенез определялся им как диалектическое переплетение натуральной и культурной линий развития в единый процесс. «Различные генетические формы сосуществуют, как в земной коре сосуществуют напластывания самых разных геологических эпох» [17. С. 278]. Его точка зрения совпадает с принципиальной установкой Пражской школы функциональной и структурной лингвистики: «История системы есть, в свою очередь система... Каждая синхроническая система имеет свое прошлое и будущее как неотделимые структурные элементы системы» [18. С. 62]. Л.С. Выготский говорил, что его метод, применяемый в исследованиях, «по своей природе идентичен» методу Пражской школы [17. С. 21].

Л.С. Выготский отмечает: «... в процессе развития... изменяются не столько функции, ...не столько их структуры... сколько изменяются и модифицируются отношения, связи функций между собой, возникают новые группировки, которые были неизвестны на предыдущей ступени» [19. С. 110]. Эти новые группировки функций Л.С. Выготский называет «психологическими системами». Им был показан ход развития от знаков к смыслу, как к тому, что объединяет два начала – естественное и культурное, материальное и духовное, аффективное и интеллектуальное, объективное и субъективное. В этом переходе он видит освобождение от ситуативности, от связанности полем и одновременно ступени приобретения человеком все большей свободы и преобразования опыта в управлении собой [20. С. 163]. «Для нас (теперь) основное – движение смыслов» [19. С. 161]. Л.С. Выготский показывает, что новое возникает на стыке двух реальностей: «внешнего» и «внутреннего», и это новое включается в дальнейшее развитие системы. Он исходит из понимания развития как процесса самодвижения, говорит о «самовозгорании культурного развития» [21. С. 301], детерминации новообразованиями как результатом развития системы.

В докладе «О психологических системах» (9 октября 1930) Л.С. Выготский, представляя этапы интериоризации как основной механизм социогенеза, один из ее моментов называет «экстрацеребральной организацией» функциональной системы, что позволяет считать его одним из первых авторов принципа «экстрацеребральной» мозговой организации психических функций («цель рождает функциональный орган», «результат – системообразующий фактор»), который является сейчас общепризнанным благодаря работам Н.А. Бернштейна, П.К. Анохина, А.Н. Леонтьева. Идея детерминации возможностями в рамках подхода, связанного с именами Н.А. Бернштейна, Л.С. Выготского, М.К. Мамардашвили, видится в том, что исходной точкой считается натуральная множественность побуждений («наличная форма»), а основным событием – ее преодоление посредством культурной («идеальной») формы, в которой удерживается некое поведение. При этом «потребностная» схема (А.Н. Леонтьев) не отменяется, а оказывается внутри схемы «удержания», в составе тех форм (средств), что помогают преодолеть натуральную, стихийную множественность побуждений,

скоординировав ее в рамках культурного функционального поля. Как замечает Б.Д. Эльконин «Достижение и потребность теперь могут мыслиться лишь как хорошее «средство» работы со множеством становлений, а не первая онтологическая предпосылка поведения» [22. С. 12].

В работе «Исторический смысл психологического кризиса» Л.С. Выготский подводит к мысли о психике как субъективном искажении действительности, без которого невозможно избирательность поведения: психика «...есть орган отбора, решето, процеживающее мир и изменяющее его так, чтобы можно было действовать. В этом ее положительная роль – не в отражении (отражает и непсихическое; термометр точнее, чем ощущение), а в том, чтобы не всегда верно отражать, т.е. субъективно исказить действительность в пользу организма» [19. С. 347]. Так автор культурно-исторического подхода выводит свою теорию за пределы гносеологии отражения в онтологию порождения мира человеком. Эти идеи самоорганизации, заложенные в методологических основаниях культурно-исторической концепции, соответствуют принципам постнеклассической рациональности.

Сегодня актуальной задачей является сближение проблематики стресса с культурно-историческим контекстом. Эта задача становится своевременной именно потому, что в психологии сформировалась теоретико-методологическая база, позволяющая разглядеть в Л.С. Выготском настоящего «классика постнеклассической науки» [3]. Л.С. Выготский в культурно-исторической психологии вышел к пониманию механизмов преобразования культу-

ры в мир личности и порождения в процессе развития личности культуры. Становление «человеческого в человеке» невозможно без стрессов, без «овладения собой» (Л.С. Выготский). С.Л. Рубинштейн указывал на то, что «личность тем значительнее, чем больше ее сфера действия, тот мир, в котором она живет и который она создает в одном акте «творческой самодеятельности», создавая и свой мир, и самое себя» [22. С. 126]. Постнеклассическая наука делает своим предметом саморазвивающиеся (самоорганизующиеся) системы, меняя представления о сущности стресса человека, и теперь действительно востребованными оказываются воззрения Л.С. Выготского о его культурной обусловленности, что определяет необходимость и возможность изучения проблематики стресса с позиции идей самоорганизации, усматривая в ней методологическую базу культурно-исторического подхода. С позиции идей самоорганизации стресс все отчетливее выступает как явление, которое не просто сопровождает процесс выхода человека на новые параметры собственного развития, но и является условием этого выхода. Более глубокое понимание механизмов трансформации культуры в мир личности позволяет ставить вопросы о том, какая культура преобразуется в жизненный мир человека, что конкретно она привносит в него в плане устойчивости и подвижности этого мира, какие трудности саморазвития испытывает при этом человек, какие традиционные средства совладания он обретает и т.д. Поликультурное пространство России представляет собой уникальный полигон для кросскультурного исследования стресса и условий стрессоустойчивости у представителей этих культур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 302 с.
2. Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология: от классической к постнеклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 99–115.
3. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: ТГУ, 2005. 174 с.
4. Асмолов А.Г. Культурно-историческая теория и конструирование миров. Москва; Воронеж: Ин-т. практ. психологии; НПО МОДЭК, 1998.
5. Краснорядцева О.М. Психологические механизмы возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности: Дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул: БГПУ, 1996. 341 с.
6. Мясоед П.А. Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 3–18.
7. Степин В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего. М., 1996.
8. Ваулина Т.А. Типы профессионально-психологического мышления: исторический и общепсихологические аспекты: Дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2005. 154 с.
9. Степин В.С. Научная рациональность в гуманистическом измерении // О человеческом в человеке: Сб. науч. трудов / Сост. Е.В. Филиппова; Под ред. И.Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991. С. 138–166.
10. Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 с.
11. Кемеров В.Е. Классическое – неклассическое – постнеклассическое // Современный философский словарь / Под общ. ред. В.Е. Кемерова. Лондон; Франкфурт на Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск: ПАНПРИНТ, 1998. С. 399–406.
12. Лоскутов Ю.В. Современная философия: на пути к постнеклассической парадигме // Человек и общество: на рубеже тысячелетий. Воронеж: Изд-во ВПГУ, 2001. Вып. 9–10. С. 156–169.
13. Мясоед П.А. Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 3–18.
14. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. сочинений. М., 1982. Т. 1. С. 291–486.
15. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002. 480 с.
16. Ключко В.Е. Ментальное пространство личности как предмет профессионально-психологического мышления // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность – коммуникация – толерантность / Под ред. В.И. Кабрина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 30–44.
17. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 2.
18. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 1.
19. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1984. Т. 4.
20. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1983. Т. 3.
21. Эльконин Б.Д. Педагогика развития: проба как конструкт образовательной системы // Педагогика развития: ключевые компетентности и их становление: Материалы 9-й науч.-практ. конф. Красноярск, 2003.
22. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.

Статья представлена научной редакцией «Психология» 23 мая 2008 г.